3 И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах.
4 И пошёл царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо там был главный жертвенник. Тысячу всесожжений вознёс Соломон на том жертвеннике.
5 В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе.
6 И сказал Соломон: Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил пред Тобою в истине и правде и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне;
7 и ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царём вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа;
8 и раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть;
9 даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?
10 И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого.
11 И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, —
12 вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе;
13 и то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои;
14 и если будешь ходить путём Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои.
15 И пробудился Соломон, и вот, это было сновидение.

3-я Царств 3 глава — Библия: https://bible.by/syn/11/3/

16 Горе тебе, земля, когда царь твой отрок,...
Екклесиаст 10 глава — Библия: https://bible.by/syn/21/10/

Клаубер Иоанн Баптист. Суд царя Соломона. Лист 40, гравюра, 1748 год

Это слово принадлежит Соломону. Оно выражает опасность, которую может причинить государству воцарение отрока, не имеющего опыта, потому что обыкновенно молодость бывает возрастом страстей, легкомыслия и надменности. Но сам Соломон был в этом отношении исключением. Увы, его старость была несчастием для государства, тогда как лучшим временем его царствования было, как-раз, его начало. Вступая на престол, он лучше всего подтвердил слово псалмопевца: «Я стал разумнее всех учителей моих... я сведущ более старцев» (Пс. 118:99-100). И самый лучший момент из его прекрасного вступления был тот, о котором рассказано в вышеприведенном тексте. Остановимся, чтобы его обсудить. Это лицевая сторона медали; дальше мы рассмотрим обратную ее сторону.

Давид только что умер, насыщенный днями, богатством и славой. Призванный быть его преемником и, как полагают, еще очень юный, Соломон укрепил себя несколькими действиями правосудия и власти. Он подавил заговоры их, которые, пользуясь его молодостью и неопытностью, хотели его свергнуть. И уже укрепившись на престоле, он вскоре обнародовал, в каком направлении он предполагает действовать. «Он возлюбил Господа» написано о нем, «ходя по уставу Давида, отца своего».

Подобно Давиду, он был глубоко благочестив. Храм еще не был построен; приносили поклонение на высотах, в особенности в Гаваоне, где еще находились скиния завета и жертвенник для всесожжения. Туда он и отправился на торжественное празднество. «И приказал Соломон собраться всему Израилю: тысяченачальникам и стоначальникам и судьям и всем начальствующим во всем Израиле главам поколений. И пошли Соломон и все собрание с ним на высоту, что в Гаваоне» (2 Пар. 1:2–3). «И там перед лицом Господа на медном жертвеннике, который пред скинией собрания, вознес Соломон тысячу всесожжений» (там же стих 6).

К концу этого великого дня, уже зная, что его поклонение принято Господом, молодой царь уснул, с душою, переполненною святыми переживаниями: он подошел к Богу, Бог подошел к нему. И вот снится ему сон: Бог явился ему и сказал: «Проси, что дать тебе».

«Проси, что Мне дать тебе»! Что-же ответит молодой царь? Перед ним находятся все сокровища земные, все царства, вся их слава, самодержавная и неограниченная власть, все великолепие, все наслаждения, о коих только может грезить воображение. Стоит ему высказать свое желание Тому, Кому все принадлежит, Кому покоряются все создания — и Он возвысит престол его до небес, унизит врагов его до ада, продлит его дни, расширит границы его государства, заставит притечь все богатства мира к его дворцу, увенчает его главу славою и сделает жизнь его сплошным наслаждением. «Проси, что Мне дать тебе»! И такое предложение делает ему Господь брани, Владыка неба и земли, предложение неслыханное, самое заманчивое из всех, какие смертные когда-либо слышали!.. Слыша такое предложение можно затрепетать, неправда ли? Невольно вспоминается другая сцена — сцена искушения... Хочется даже спросить себя — как Бог мог.. Не беспокойтесь! Бог читает в сердцах.

Выслушайте теперь ответ Соломона: «Ты сделал рабу Твоему Давиду отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил перед Тобою в истинен правде, и с искренним сердцем перед Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне. И ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. И раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя не исчислить его, ни обозреть. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?»

И в Писании сказано, что благоугодна была Господу такая просьба Соломона. Вы знаете, что Господь ему ответил, как всю жизнь он был с Соломоном, и как необыкновенно его возвысил.

Когда читаешь эту замечательную молитву юного царя, невольно является мысль, что, быть может, славу этой ранней мудрости надо приписать не столько самому Соломону, но скорее—отцу его Давиду. Если Соломон так понимает, так чувствует и того желает, если он вообще является тем, что он есть, то это только благодаря неоцененному преимуществу — быть преемником такого отца, каким был царь Давид.

Основная мысль, из которой самопроизвольно вытекает его молитва, заключается в громадности его задачи и в сознании собственной его слабости для ее выполнения. Мог ли он самостоятельно дойти до такого понимания? Мог ли бы он так хорошо понять всю обширность своих обязанностей? Как часто владыки земные, ослепленные властью, забывают о них! Мог ли он почувствовать так непосредственно ответственность свою при управлении большим народом? Мог ли он так горячо желать водворить в нем правосудие, стоять на страже его интересов, забывая себя для него? Мог ли он, одним словом, составить себе о своем царствовании такое здравое, возвышенное, благородное суждение, и принял ли бы он так горячо к сердцу сообразоваться с интересами своего народа, если бы он не имел перед глазами мудрого управления отца своего Давида, этого превосходного монарха, этого примера для всех царей,

царя «по сердцу Божию»? Соломон чувствует глубокую потребность в помощи Божией. Рассчитывая только на нее, он прибегает к ней с доверием. Не усматриваете ли вы в этом — результатов примера Давида, отца его? Сын того, кто выразил в стольких великолепных псалмах свое доверие к Господу, знает, что «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его. Если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж. Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, едите хлеб печали, тогда как возлюбленному Своему Он дает сон». В душе его еще звучит, как музыка, сопровождающая постоянно его шаги, песнь освобождения отца его: «Благословен Господь за то, что он проявил чудным образом Свою незаслуженную милость ко мне, как будто бы я был в укрепленном месте! О, как велики благодеяния Твои, Господи, которые Ты приготовил для боящихся Тебя»! Он, так сказать, только подчиняется толчку, данному ему, восклицая в свою очередь: «Вспомни о Давиде, рабе Твоем! Вспомни обо мне, ради Давида — раба Твоего»! Отрадно видеть молодого человека, который до такой степени желает подражать великому примеру отца своего, и смиренно ставит себя в тень его памяти. Когда видишь стольких людей, нетерпеливо порывающих с прошлым, чтобы начать новое будущее, людей, забывающих об опытах своего отца, которому они между тем иногда всем обязаны,—приятно видеть, что молодой Соломон цепляется за своего отца, видит в нем пример себе и не имеет другого желания, как только ходить по его следам и унаследовать его благословение. В этом, неправда ли, видно прежде всего благородное сердце?

Но, с другой стороны, какое это и преимущество — быть призванным на царство, имея такого отца, как Давид, который воспитал его, дал ему все доступное тогда образование, поставил его на путь и поручил Господу! Какое преимущество — иметь с детства ежедневно перед глазами такой пример и сохранить о нем неизгладимое впечатление на всю жизнь! Счастлив тот сын, к какой бы деятельности Господь его ни призвал, который, подобно Соломону, находит в своем отце пример для собственного поведения, и не думает о получений иного благословения, как только то, которым небо увенчало старость его отца! Люди часто глупо кичатся своим происхождением, своим именем.

Но, когда это имя принадлежит человеку, справедливо уважаемому, когда оно напоминает всем о том почтении, коим пользовался этот человек при жизни, когда оно — как паспорт, с которым вы бываете всюду радушно приняты, как начало для вашей хорошей репутации, которое помимо ваших собственных заслуг ставит вас на путь, и ведет совершенно естественно по этому пути; когда оно служит вам укором, если вы поступаете не хорошо... о, тогда такое имя имеет большое значение, и является одним из самых редких благословений, с которым можно начать жизнь. А затем — какая это помощь человеку, что можно в воспоминании о своем отце найти как бы вторую совесть, сопровождающую его в течение всей жизни!

Рассказывают, что польский король Болеслав носил всегда с собою медальон с портретом своего отца; в трудных и опасных обстоятельствах жизни ему довольно было взглянуть на этот портрет и подумать: «Болеслав, твой отец на тебя смотрит!» — чтобы снова обрести мужество и мудрость, которые перед этим готовы были его покинуть.

И это имеет глубокое основание. Тут проявляется закон солидарности, соединяющий людей между собой. Библия нам говорит об обетованиях, данных нам и нашим детям, и о благословениях, переходящих от отцов к сыновьям. В семьях, наследственно благочестивых и

верных, замечается такое благословение Божие, переходящее от отцов к детям. Как часто святые ссылались на подобное основание, чтобы преклонить Господа к своему народу.

Как часто в своих просьбах восклицали они: «Боже, вспомни Авраама, Исаака и Иакова, слуг Твоих!» А как мы часто находим в Свящ. Писании указания, что из любви к патриархам, из любви к Давиду, Бог исполнял молитвы, вознесенные за народ Израильский?

Разве все это ничего не говорит к нашей совести, братья мои? Стараемся ли мы оставить детям нашим это ценное наследство — незапятнанное доброе имя? Делаем ли все, от нас зависящее, чтобы память о нас хранила их от зла, как хранили мы их в течение нашей жизни — примером нашим?

Предположим, что смерть придет сегодня, и отнимет вас у вашей семьи: это дитя, которое вы оставляете при вступлении его на путь жизни, остается без вашего руководства; но позаботились ли вы, по крайней мере, о том, чтобы оставить ему после вас поддержку в виде воспоминания о вас? Сделали ли вы все, от вас зависящее, чтобы воспоминание это сопровождало его шаги, как внутренний свидетель его мыслей и его действий? Когда он будет готов поддаться искушению, — удержит ли его мысль о вас, пробудит ли она его совесть? Будет ли достаточно одного этого слова: «отец мой», «мать моя», произнесенного в душе, чтобы вызвать в вашем ребенке тысячу священных воспоминаний, которых он не посмеет осквернить? А в случае падения — заставит ли его одна мысль прийти в себя? Если ваш образ предстанет перед его духом, будет ли действие его подобно тому взгляду, который Господь бросил на ученика Своего Петра, после его отречения от Него, и который заставил Петра, в раскаянии горько заплакать? Если он поднимется после падения, то поддержит ли его в его хороших намерениях мысль о вас, воодушевит ли она его на правом пути, будет ли она для него тем внутренним жалом — жалом совести — которое постоянно дает себя чувствовать? Найдет ли он в воспоминании о вашей верности — ободрение к тому, чтобы самому предстать перед Господом, и усиленно, с доверием умолять его: «О Господи, вспомни о слуге Твоем — отце моем!.. Освободи сына рабы Твоей!» Если вы в течение всей жизни заботились лишь о себе самом, то что останется от вас для вашего ребенка? Какую опору оставите вы ему, если он видит, что вы отдались духу века сего, заботясь лишь о том, чтобы увеличить ваше состояние и умножить благоденствие, что вы вполне отдаетесь вашим чувственным страстям или гневу? Что помешает ему вам подражать? Еще раз спрашиваю: не говорит ли все это к вашей совести? Вы часто слышите призывы — обратиться к Господу, во имя ваших собственных интересов. Неужели все высказанное не будет для вас достаточно убедительным?

Конечно, бывает и так, что сын может обмануть ожидания самого лучшего отца. И в жизни, и в Библии встречаем мы такие примеры; но, в таком случае, ответственность лежит уже на детях, а не на нас.

Второе, что поражает в молитве Соломона, и что может служить назиданием для всех, это — его справедливое недоверие к самому себе, очень редко встречающееся у человека в его годы и в его положении: «И ныне, Господи, Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа... Даруй же рабу твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло».

Соломон был вполне прав, сомневаясь в своих силах. Он сознавал громадность задачи, выпав ей на его долю совершенно внезапно. Это было не малым делом — управлять многочисленным народом, обладающим таким трудным характером, как народ Иудейский, судить его, организовать его внутреннюю жизнь, урегулировать его сношения с соседними государствами. История говорит о великих монархах и правителях, выдающихся своими способностями, своим гением, своей опытностью, и которые, тем не менее, утомившись от трудов правления, добровольно слагали с себя бремя власти; не удивительно поэтому что молодой человек, едва вступивший в жизнь, содрогается перед величием такой задачи.

Конечно, бывает и так, что прежде, чем усмотреть тяжесть власти, люди видят лишь ее сладость и ее преимущество.

Высокое положение является всегда предметом зависти и целью мечтаний. И каким бы опасным ни было положение лиц, управляющих народами, никогда не бывает недостатка в желающих занять подобный пост. Каждый находит в нем наивысшее удовлетворение своих желаний. Одним нравится власть, другие любят славу, третьих влечет блеск и богатство, легкость достижения всевозможных целей. Всем, в глубине души, кажется, что быть очень могучим, очень богатым и очень прославленным значит — быть трижды счастливым.

Заметим, кроме того, что если счастье правителей может быть более чем сомнительным в дни демократической цивилизации, которую мы переживаем, — этого вовсе нельзя сказать про времена Соломона. Наоборот! Никогда монарх не вступал на престол при более благоприятных условиях. Давид, умирая, оставил государство в цветущем состоянии. Все затруднения, могущие встретиться на пути его преемника, были, так сказать, заранее устранены. Враги Израиля были уничтожены. Границы государства сильно расширены. Мир царил во внешних сношениях. Нескольких попыток возмущения нельзя принимать в расчет: о них Соломон знал с первых же дней своего царствования и они. Были быстро ликвидированы. Мир по видимому прочно установился внутри страны. Громадные богатства были скоплены. Все соседние правители искали, как особой милости, заключения мира с молодым царем. Одним словом, редко высшая власть обладала такими прочными гарантиями и такими средствами, какие нашел Соломон, когда принял эту власть в свои руки.

Прибавьте к этому возраст молодого царя. Старик, привыкший размышлять о превратностях человеческой жизни и рассматривать все глазами опыта и мудрости, мог бы, конечно, различить по первым же их проявлениям признаки затруднений и обольщений, которые встретятся впоследствии. Но в возрасте мечтаний, в возрасте, когда все блестит, все кажется приятным, в том возрасте, когда к жизни относятся с доверием и надеждою, и заранее сглаживают все трудности, чтобы видеть лишь легкие стороны вещей, — у кого из нас не закружилась бы голова? Какой юноша в положении Соломона не подумал бы: я богат, живу в изобилии, ни в чем не нуждаюсь…, а еще менее нуждаюсь в мудрости и советах!..

А вот между тем единственная мысль, которая овладевает им — это сознание своего бессилия и своей слабости, сознание своей неопытности перед тою задачею, которая на него возложена. Он отдает себе ясный отчет, что ему необходима мудрость, сходящая свыше: «Я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. Дай мне премудрость и знание, дай мне сердце разумное».

У нас, рядовых людей, нет ни тех трудностей, которые были у Соломона, ни тех соблазнов, которыми его жизнь была переполнена. Нам не приходится управлять царством, и мы не окружены льстецами, влияние которых бывает так пагубно, развивая в человеке гордость. И мы самоуверенно идем вперед, не испытывая потребности в благодатном ниспослании нам мудрости, о которой исключительно просил у Бога Соломон. Это — большая наша ошибка.

Жизнь хотя и в обстоятельствах менее сложных и исключительных, чем жизнь Соломона, все-таки есть ничто иное, как долгое путешествие по неизвестной стране, где на каждом шагу — препятствие, а кругом — всякие враги и духовные, и телесные.

Тысячи различных дорог открываются перед нами, перекрещиваясь во всех направлениях, образуя настоящий лабиринт; из всех этих дорог лишь одна хороша; остальные же, какими бы легкими и заманчивыми они ни казались, неизбежно ведут к опасностям, или осложнениям; некоторые же — прямо к пропастям и безднам... Кто же укажет нам ту единственную хорошую дорогу? Кто будет руководить нами, чтобы мы не свернули на опасные тропинки?

Мы не одни: мы идем со спутниками, интересы которых часто скрещиваются с нашими, которые имеют на нас влияние, действуют на нас. Хотим ли мы этого или нет, в хорошую или дурную сторону; действуют своим примером, своими советами... Кто нас научит, как нам следует себя вести во множестве сложных обстоятельств, когда наша жизнь смешивается с чужой жизнью?

Призванные к тому, чтобы идти к бесконечно-удаленной от нас цели, мы не в состоянии предвидеть даже самых близких к нам событий. Мы не имеем понятия о последствиях самых незначительных наших поступков или слов. Что нам делать, и чего страшиться? Что нам полезно и что нам угрожает? Не знаем!

Кто возьмет нас за руку, кто будет руководить нами? То же самое неведение, то же бессилие ощущаем мы и в мелочах нашего поведения и во всем направлении нашей жизни, взятой в целом.

У каждого из нас есть свое призвание, и у каждого из нас свои особые затруднения, которых мы заранее усмотреть не можем. Неужели мы, как Соломон, не чувствуем своего бессилия и не скажем, как он: «Господи, не знаю я ни моего входа, ни выхода.., Дай мне, рабу Твоему, сердце разумное».

Нам приходится воспитывать детей. Это такое великое сложное дело, требующее столько такта, столько уменья разбираться во всяких характерах и обстоятельствах! Всякое наше действие или слово может иметь такие важные последствия! Самые вероятные догадки так часто бывают обмануты! Кто из нас, если мы честно относимся к своей задаче, не чувствует себя в сто, в тысячу раз ниже ее? И неужели мы не воскликнем: «Господи, я ничего не знаю, ничего не могу предвидеть! Даруй мне разум, даруй мне сердце разумное!»

У нас есть прежде всего душа, которую надо спасать. Мы должны понять, что это является для нас единственно необходимым. Но тут же надо отдать себе ясный отчет в тех опасностях, которые следует нам избегать в жизни, в той борьбе, которую придется вести, в тех врагах, которых надо одолеть, в завоеваниях, которые мы должны сделать, в победах, которые обязаны одержать. И не можем мы не почувствовать своего полного бессилия перед этими задачами. А

если еще случится нам призадуматься над некоторыми местами из Свящ. Писания, которые так соответствуют нашему ежедневному опыту, например: «Со страхом и трепетом совершайте свое спасение» (Фил. 2:12), «Царствие Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Матф. 11:12), или «Праведник едва спасается» (1 Петр. 4:18), то мы содрогнемся, и с горячей мольбой обратимся за помощью к Богу: «Господи! Даруй мне сердце разумное! Я ведь отрок малый, не знающий как мне надо поступать».

Если же этой нужды в помощи свыше мы не чувствуем, не чувствуем потребности в свете, который осветил бы наш путь, — то это происходит от того, что мы большею частью живем не вдумываясь, живем изо дня в день, без внимания.

Научимся же от Соломона серьезно, вдумчиво смотреть в будущее, не для того, чтобы его боятся и заранее в нем отчаиваться, не для того, чтобы заботиться о завтрашнем дне, но чтобы понять наше полное бессилие предвидеть что-либо и научиться говорить Господу, как говорил юноша Соломон: «Господи! Дай мне сердце разумное!» и Он даст нам его, ибо Он лучше нас знает, в чем мы имеем нужду, и обещал: «Если же у кого из вас не достает мудрости, да просит у Бога дающего всем просто и без упреков, и дастся ему!» (Иак. 1:5).

Но помоги нам, Господи, сначала понять, что мы нуждаемся в этой мудрости!

Третья черта, которая поражает в молитве Соломона, это — его верная оценка блага мира сего.

На предложение Всемогущего — «Проси, чтоб мне дать тебе»: — он не ответил, как всякий бы ответил на его месте: «Прошу долгой, счастливой жизни, славного царствования, богатства»…

На склоне дней своих Соломон, человек огромного житейского опыта, устав от всех наслаждений земных, пришел к заключению, что в сущности, все они — пыль и прах, и красноречиво выразил это в своем знаменитом изречении: «Суета сует, и всяческая суета». Но оказывается, что он и начал свою жизнь с того, что мудро поставил все земное на надлежащее место. Не презирал он, конечно, благ земных, но не делал их предметом страстного, своего стремления, Господь дал ему часть этих благ и наслаждений и он и не мечтает о большем. Он не желает их умножить, не опасается их потерять, он боится только одного: что не сумеет сделать из них надлежащего употребления; и потому просит у Бога того богатства, которое превосходит по своей ценности все сокровища земные... «Даруй, Господи, рабу Твоему премудрость и знание!»

Как нам надо на это обратить внимание, как надо об этом подумать, читатели мои! Мы живем в таком веке, когда люди, по видимому, вполне присоединяются к молитве Иависа: «о, если бы Ты благословил меня Твоим благословением, распространил пределы мои, и рука Твоя была со мною, охраняя меня от зла, чтобы я не горевал!» (1 Пар. 4, 10). Благословение понимается лишь в материальном и временном смысле. Мы желаем, чтобы другие были мудры. Гремим против роскоши богатых классов, против зависти бедных; вопим о пороках цивилизации, о поклонении деньгам и наслаждениям; исповедуем христианство, хотим просвещать народные массы и ускорить пришествие Того, Кто сказал, между тем: «Царство Мое не от мира сего. Продавайте имения ваши и собирайте себе сокровища на небесах».

А, в сущности, каких же собственно сокровищ ищем мы прежде всего для себя и своих детей?

Если бы нам Господь сделал такое же предложение, какое некогда сделал Соломону: «Проси,

чего дать тебе», и если бы это было не днем, при людях, когда нас мог бы удержать стыд, а ночью, когда мы одни — каков бы был наш ответ? Наш искренний ответ, выражающий наши истинные чувства? Надо сделать выбор между всеми радостями земными. Кто бы из нас, после тщательного исследования самого себя, сказал: «Господи, дай мне мудрости. Не прошу я у Тебя ни богатства, ни светских успехов, ни славы… Дай мне необходимую для меня благодатную силу, чтобы добросовестно делать то дело, на которое Ты меня поставил, Твое дело на земле. Этим ограничиваются все мои желания, и только этого дара я и прошу у Тебя».

Думается — не многие сказали бы так. Скорее — вот каковы бы были наши просьбы: «Господи, возвысь меня над другими людьми, даруй мне такие способности, чтобы я мог иметь успех в избранной мной профессии; дай, чтобы я быстро достиг славы, которая кажется мне самой яркой из всех радостей земных; если встретятся соперники на моем пути, то, хотя бы они были моими лучшими друзьями, помоги мне их свалить, и устранить во что бы то ни стало».

Так сказал бы молодой человек: «Господи, дай мне внешние преимущества красоты, грации, ума, дай мне все то, что льстит тщеславие, дай мне все, что позволяет жить, как можно меньше работая; дай мне возможность блистать и возбуждать зависть».

Таковы могли бы быть желания и молитвы молодой женщины: «Господи, помоги мне в моих предприятиях, чтобы мог я расширить родовое имение мое; помоги мне достигнуть высокого, видного положения; помоги мне и детям моим создать такое же положение; помоги мне ввести их в самый высший слой общества»...

Такая молитва могла бы возникнуть в сердце человека даже весьма положительного, весьма уважаемого христианина.

Не буду продолжать. Много печальных и позорных тайн открыли бы мы, если бы могли заглянуть в сердца человеческие! И мудр Господь, что не вводит Он нас в искушение, дозволяя делать выбор, как дозволил Соломону. Мудр Он, что держит нас под опекою и распределяет Свои дары, не сообразуясь с нашими тайными желаниями, но действует по Своей воле — доброй и совершенной. Мысли Его — не наши мысли.

И если мы знаем хоть немного самих себя, как нам не удивляться и не восхищаться ранней мудрости Соломона, который в сердце своем на вопрос Бога нашел только один ответ: «Господи, даруй рабу Твоему сердце разумное».

И смотрите, какой благостный ответ дал Бог молодому царю: «За то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, вот Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои».

Вы знаете, как это обещание было чудесно исполнено; как с момента вступления Соломона в Иерусалим, царь доказал свою мудрость в знаменитом суде. Как он был посвящен во все знания своего времени; как он сочинил огромное количество книг, из которых несколько сохранились до

нашего времени и просвещают мудрость народов; как слава его распространилась далеко, так что стекались со всех концов земли люди, чтобы поговорить с ним и послушать его. Как царица Савская, пораженная всем, что увидала, засвидетельствовала о нем, сказав: «Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят перед тобою и слышат мудрость твою» (3 Цар. 10:8). Вы знаете, каково было и великолепие двора Соломона, и как подтвердилось на нем то, что сказал Господь: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6:33).

Все это вы знаете, но одна мысль вероятно встает уже как облако в вашем уме: как же такой мудрый человек мог позволить себе впоследствии увлечься, мог поддаться искушению? Как он мог опуститься до распутства и грехов, которые загрязнили конец его жизни? Как он мог забыть Бога и впасть в идолопоклонство? Важный вопрос, но о котором я хочу только вскользь упомянуть сегодня, и который займет нас в следующей беседе.

Прежде чем говорить о «безумии» Соломона, надо было вспомнить, в чем состояла его «мудрость». Поэтому я ограничусь сейчас двумя замечаниями общего характера.

Первое: научимся быть довольными тем уделом, который Бог дал каждому из нас в этом мире. Нет сомнения, что исключительный жизненный успех царя Израильского был для него западнею. Непрерывное земное счастье льстит гордости, усыпляет бдительность, умножает опасности для нашей души, заставляя ее забывать о смерти. Успех кружит голову человеку, и он перестает замечать, что стоит на краю пропасти греха. Легкость удовлетворения дурных похотей плоти и сердца приводит к тому, что дает этим похотям страшную и почти непреодолимую власть над нами... Безумцы! Мало ли мы видим примеров, когда богатство делает людей жестокосердными, развивает в них чувственность, и все-таки — мы позволяем себе беспрестанно в глубине сердца желать обладать богатством. С большим легкомыслием мечтаем мы; «О, если бы я был богат!» Если бы вы были богаты, читатель мой, кто поручится, что вы не стали бы «дурным богачом»? Никогда не надо говорить: «Ни за что не впал-бы я в этот грех! Никогда не поддался бы этому искушению!» В каждом из нас есть материал для всех падений. Поэтому — слава Богу, что Он не дает нам возможности выбирать свою судьбу и тем самым не вводить нас в искушение — избрать плохо.

Второе мое замечание относится к нашему духовному состоянию, которым мы, быть может, менее недовольны, чем внешней жизнью нашей. Мне нет надобности эту мысль развивать. Всем понятно, что мы заботясь о внешнем и житейском, большею частью не видим своих внутренних недостатков.

Почти тридцати вековая история народа Израильского служит ярким тому примером.

На подножии золотой статуи царя Соломона надо выгравировать слова Господа нашего Иисуса Христа: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Матф. 26:41), и слово ап. Павла к Коринфянам: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (10:12).

Журнал «Христианин», № 3 март 1927 год

Комментарии
